Педагогическое Бюро по делам средней и высшей русской школы
№ 3 № 3

Воспоминания детей-беженцев из России

Обработано и составлено

прив. доц. С. И. Карцевским

ПРАГА • 1924

Воспоминания детей-беженцев из России

Обработано и составлено

прив. доц. С. И. Карцевским

ПРАГА 1924

Отд. оттиск из «Русской школы за рубежом» № 10—11. Прага.

В декабре 1923 г. по инициативе б. директора Русской гимназии в Моравской Тржебове (Чехословакия) А. П. Петрова среди учащихся была произведена своеобразная анкета: было предложено в течение двух часов написать «Мои воспоминания с 1917 года». Результаты получились настолько интересные *), что Педагогическое Бюро обратилось ко всем русским школам заграницей с предложением произвести на местах подобные же анкеты. В настоящее время матерьялы уже поступают в Бюро, и вскоре будут обработаны для печати проф. В. В. Зеньковским.

Помещаемые здесь страницы представляют собою извлечения из материалов, собранных среди учащихся Русской гимназии в Праге. 18 марта с. г. учащимся было предложено двухчасовое классное сочинение на тему «Мои воспоминания с 1917 г.» Работа происходила почти во всех классах одновременно (не были привлечены только приготовительные классы). Учащимся не давалось никаких разъяснений, чтобы каким-нибудь образом не повлиять на направление их мыслей. Всего поступило к нам 134 «сочинения», из которых мы и приводим ниже ряд извлечений (числом 51). Воспоминания, избранные нами для опубликования, представлялись нам наиболее характерными, но, конечно, целый ряд интереснейших документов не вошел сюда за отсутствием места.

Двухчасовой срок оказался слишком недостаточным. Фактически работа продолжалась 1 час 20 минут, так как длительность урока равнялась 40 минутам. Почти никто не успел закончить своих воспоминаний, и авторы ограничились одним-двумя эпизодами из своей жизни, либо смогли описать только самые первые годы. В тех редчайших случаях, когда воспоминания были доведены до конца, их последние строки обыкновенно дышат чувством удовлетворения,

*) См. «Воспоминания 500 русских детей» в *№ 4 Бюллетеня Педагогического Бюро.* Май 1923 г. Прага.

что, наконец, все испытания и странствования кончились, и что благодаря гостеприимной Чехословакии, возможно приняться за учение и жить сколько-нибудь нормальной жизнью.

I. МЛАДШИЙ ВОЗРАСТ.

Точнее — те, кому в 1917—1918 г.г. было 3—4—5 лет.

1. — Я помню, когда-то была война с немцами, а потом революция между собой.

2. — Тогда по всей России была революция. Они пришли и стали грабить нашу станицу.

3. — Начался голод, стало все дорого. Стали все от голода умирать. Бывало зимой выйдешь на улицу и видишь, как у какого-нибудь забора лежит труп.

4. — Мы голодали очень сильно. Однажды мы с бабушкой купили муку. Но мука не оказалась хорошая. Когда бабушка напекла колачи и мы их наелись, то мы были распухлые. Еще хуже, когда на обеих сторонах свинка. Когда у меня прошла опухоль, я познакомился с одним артистом из цирка и он меня туда определил и я учился на акробата и на комика.

5. — Мне было шесть лет. В одно прекрасное утро, когда я спала в детской, вошли вооруженные солдаты и стащили меня с постели. Как я ни плакала, но они разбили мою любимую куклу. Через несколько минут вошла в детскую моя мама, вся в слезах, и сказала, что папа, который лежал после тяжелой операции, принужден итти куда-то со злыми большевиками. Все наши шкапы оказались пустые. Мама после того потрясения ослепла и пробыла в таком состоянии три месяца.

6. — Я помню, как к нам в город пришли большевики. Большевики стали бить евреев и разграблять их имущество. Мне было очень жаль евреев.

7. — Помню, как мы на Пасху сидели в подвале, и бабушка приносила туда пасхи и куличи. Помню, как на заборе го-

родского сада была кровь и около стены большая воронка. Это от пушки ядро попало и разорвало его на части.

8. — Когда долго не стреляли, мне делалось скучно.

9. — Еще я помню, как один мужчина, по имени Прокоп, повесил 17 человек. Как раз в нашем дворе. В этом дворе стоял какой-то погреб и там он их повесил. Я сама это не видела, как он их весил, но рассказывали мне те люди, которые все видали. И рассказали мне, что каждый должен был встать на скамейку и всунуть голову в петлю, когда уже было готово, должен был оттолкнуть скамейку, и тогда этот человек скончался. Однажды мы обедали, и видим мы бежит какая-то собачка. Мы ее приняли и накормили. Она уже жила у нас, мы всех спрашивали, как ее звать и чья она, никто ничего не сказал, только один учитель сказал, что это его собачка и звать ее Тузик...

10. — Многие люди умирали от голода и холода. Всюду можно было видеть голодных детей, которые валялись на улицах. Никто на них не обращал внимания. Все были заняты добыть себе что-нибудь на пропитание.

11. — Мне приходилось спекулировать (спекуляцией называется товарообмен), так как был большой голод и заработанных денег отца не хватало, чтобы прокормить всю семью.

12. — В 1918 г. я потерял сестру *(при пересадке в другой поезд)*. Я остался один на станции и не знал, куда мне обратиться. Я долго не думал, будучи мальчиком 6 лет, я решился на свой детский ум. Я хотел остаться на станции, думая, что моя сестра приедет и возьмет меня... Приближалось к 8 часам вечера, и сестра не приезжала. Стало темнеть и я почувствовал голод. Но где мне было поесть, ведь у меня не было денег. Я было задумался и вдруг вспомнил про прежние свои приключения и, забыв про голод, стал их себе воображать. Я так задумался, что не заметил, как настала тьма. Вдруг кто-то меня дернул за рукав. Я обернулся и увидел мальчика лет 13-ти *), он смотрел на меня и улыбался своим широким ртом. «Что ты тут делаешь?», спросил он у меня. — «Сестру жду»,

*) Повидимому, незнакомец был в действительности гораздо моложе.

ответил я. — «Какую сестру? Где она?» — «Да вот утром потерял». — «И ты от утра тут ждешь?» — «Да». — «А ты ел?» — «Нет». — «А есть хочешь?» — «Так себе». — «На», — и мальчик подал мне бублики и колбасу. Я взял и медленно стал жевать... — «А где ты будешь жить?» — «Сам не знаю». — «А хочешь быть моим другом? Я тебя научу чему-нибудь». — «Да», ответил я, ничуть не задумываясь и поглощенный своим вкусным ужином. Я стал смотреть на медленно приближающийся товарный поезд. А вдруг в этом поезде едет моя сестра! И я стал себе представлять, как она меня обнимет и расцелует. Но нет, ее и в этом поезде нет. И тут я только вспомнил, что сегодня ночью я буду один, и я заплакал... «Эй, мальчик, уходи с рельс!» крикнул чей-то грубый голос, и какая-то невидимая рука отбросила меня в сторону. В эту же минуту около меня промчался пассажирский поезд. «Фу, как я испугался, я думал, что тебя зарежет машиной», сказал мальчик; и взяв меня за рукав, повел за собой... «А вот мы и дома», сказал вдруг мой друг... *(Дети поселились под полом старого сарая).*

Здесь обрывается рассказ. Впоследствии мальчик попал к чехословакам, приютившим его; вместе с ними проехал всю Сибирь и приехал в Прагу. Своей сестры он до сих пор не нашел. Мать у него умерла, когда ему шел еще второй год, а отец пропал без вести во время войны. — На его сочинении лежит отпечаток стремления к литературности, но суть рассказа соответствует действительности.

13. — Я помню, как в этом городке по улицам ходили дети бедного приюта, у которого не было содержания держать их. Они бродили по улицам, просили, просили у людей дать хоть бы кусок хлеба. Но некоторые люди, у которых они просили, они сами чуть ли не так были бедны, как и эти дети, а потому не могли им ничего дать. Тогда эти дети продолжали все время бродить по улицам и даже некоторые из них умирали по улицам, умирали от голода. Еще я помню, как мы голодали, как нам нечего было есть, и как мы все сидели по местам скучные и грустные. От этого голода мой папа и мы все давно хотели уехать в Чехию, а потому хлопотали себе из Харькова, такую бумагу, чтобы могли бы уехать в Чехию. Мы все с нетерпением ждали этой бумаги, а больше всех ждал наш папа. Через некоторое время мой папа простудился и заболел воспалением лег-

ких. И так как он ждал с нетерпением эту бумагу, то эта бумага пришла тогда, когда он уже умер и лежал на столе около иконы... Нам всем было очень трудно расстаться с дорогой родиной, т. е. с Украиной. Еще всем нам было трудно расстаться с папиной и брата и сестры могилками, так как они там похоронены. Еще помню, когда был еврейский погром, то тогда только было слышно, как пули летят со всех сторон и как евреи бежат по улицам, прячутся в разные сараи и просят русских или кого-нибудь, только не евреев, приютить их, потому что боятся погибнуть. Я помню, когда на моих глазах убили одного мальчика, который бежал куда-то спастись... И прибежал к нам в огород, в камыш. Они побежали за ним и там его поймали и отвели его в арестное помещение. А там я не знаю, что с ним сделали. Еще я помню, как на моих глазах убили одного еврея. Он шел по улице и хотел куда-нибудь спрятаться. Но его увидели и хотели расстрелять. Я забыла сказать, что они шли два и что одному сказали, чтобы он ушел, покамест его не расстреляли. А другого расстреляли и велели моему брату закопать его мозги. И я до сих пор помню, где эти мозги закопали. — Больше я не успела, потому что уже звонок.

14. — Моя мама заболела и лежала довольно долго. В это время нам пришлось все продать, а когда моя мама начинала уже выздоравливать, не было уже ничего для продажи, а дома не было ни куска хлеба и ни гроша денег. Я пошла на базар и зашла в один магазин и рассказала мое положение, и хозяева этого магазина дали мне немного денег, потом в другом также, и у меня накопилось немного денег, я пошла и купила на все деньги три четверти фунта черного и тяжелого для здоровья хлеба.

15. — Уже вторую ночь мы спали с мамой на одной постели, без простынь и одеял, в платьях и даже пальто. Вдруг среди ночи я проснулась, оттого, что отворилась дверь и вошла мама. Я села. На маме было очень утомленное и взволнованное лицо. Она сказала, чтобы я скорее собралась и что мы сейчас пойдем. Мы вышли из дому. — Я сейчас перескочу за несколько часов вперед. — Мама уже перешла мостик на пароход. Какой-то господин подхватил меня и перебросил с пристани на пароход. Никто из мужчин не смел уезжать, все должны были оставаться в Б* для защиты. Все три дня на паро-

ходе мы с мамой не могли встретиться. Есть было также нечего. На второй день мы увидали баржи, на которых спасались люди. Они нам махали и кричали до тех пор, пока пароход не подошел к ним. Вдруг среди ночи послышался страшный гром, волны заходили выше палубы, а в той стороне, где скрылся Б*, вспыхнуло огромное зарево. Махновцы взорвали Б*. Было ужасно жутко. Я была одна. На третий день мы приехали в Е*. Там на пристани я встретила маму...

16. — Однажды, когда я прощался, мне мама сказала, что большевики уже близко. Когда большевики заняли К*, то стали в гимназии плохо учить. И не было, чем топить. Папа стал меньше получать жалованья, и нельзя было прожить на эти деньги. Мама стала продавать на базаре вещи. Когда мама все продала, то мы начали приготовляться уехать из России. Когда мы уже тронулись от станции, то наша собака долго за нами бежала. Через несколько времени нам пришло письмо, что наша собака сдохла.

17. — Помню, как я ходила в гимназию *) и всегда падала в грязь и приходила домой вся измазанная. Но вот наступил день эвакуации и мы уехали в В*. По дороге мы потеряли весь багаж и приехали на место только в чем были. Но вот мама заболела сыпным тифом, потом папа возвратным. Не успел папа выздороветь, как заболел сыпным тифом. На второй день кризиса мама вывезла папу. Доктор маме говорил: «Куда вы его везете, ведь он у вас умрет». Но мама сказала: «Живым или мертвым, я его вывезу» — и вывезла.

II. СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ.

В 1917—1918 г.г. авторам воспоминаний было 7—8 лет.

18. — Однажды мне пришлось видеть такой самосуд. Поймали какого-то человека, который хотел продавать молоко дороже, чем следовало. Пришла милиция, собралась толпа и хотели с ним рассчитаться. Но он как сорвался и побежал, за ним кинулась и толпа; его догнали и начали бить чем попало. Вскоре от человека не осталось ничего, кроме кровавой массы,

*) Повидимому, в младший приготовительный класс.

смешанной с грязью и клочками одежды. Много еще разных ужасов, всего сразу не вспомнишь.

19. — Из этих первых лет революции мне запомнилось только одно: папа долго скрывался от большевиков на хуторе, а потом нам пришлось расстаться, так как папу хотели расстрелять. С этого времени пошли для нас страшные дни. Запомнилась мне одна страшная бомбардировка, во время которой мы 5 недель безвыходно сидели в подвале. Потом я не помню ничего до тех пор, когда мы в первый раз получили письмо от папы, написанное на тряпке, чтобы ее легче было спрятать.

20. — В то время мой папа был стражником, а я ходил в школу. Однажды в феврале месяце была прислана телеграмма из Москвы, чтобы все стражники, жандармы и полицейские сдали свое оружие, а сами должны поступить в армию. Представьте себе, как мы были напуганы. Для меня тоже была печаль большая, так как папа хотел меня взять из школы и сделать из меня извощика... Все это так и случилось: папу взяли в армию, а я стал извозщик. Один раз стоял я на углу, уже день подходил к обеду. И в это время до меня стал доноситься какой-то мотив неизвестной мне песни. Вот уже я начал ясно слышать слова: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног!» Хотя я и раньше слышал, что произошла революция, но гимнов еще не слышал. Благодаря тому, что у меня взяли в армию папу и взяли (меня) из школы, мне было очень грустно, но когда я услышал эти слова, мне стало весело и даже радостно, потому что эта революция даст рабочему и крестьянину все, что нужно для свободной трудовой жизни... Через несколько времени мы получили телеграмму от папы, что он едет обратно. Я очень обрадовался, потому что думал, что я буду учиться, но ничего подобного не случилось. Тогда я дал себе клятву, что я уеду куда-нибудь учиться. И я действительно уехал в Чехословакию, где до сих пор нахожусь я. Но сколько я вытерпел бед и сколько раз я видел ужасные сцены, которые, я думаю, я никогда не забуду! Но теперь живу мирно и надеюсь на будущее России и на будущее русского народа.

21. — Папа исчез без вести. Мама целые дни плакала, и

сестра ее успокаивала. Меня это очень все интересовало, хотя и было тяжело, что папы между нами нет. Я каждую минуту подбегала к окну, которое было завешено одеялами и смотрела на улицу. На улице я уже не была долго и потому не могла дождаться, когда все это кончится. Прошло несколько дней и все как-то успокоилось. Папа вернулся домой. Вечером того же дня пришли красноармейцы делать обыск. Нашли у нас три револьвера и потому папу арестовали . . . Мама заболела и лежала два месяца. Доктор говорил, что это от сильного потрясения. С помощью одной нашей знакомой папу выпустили из тюрьмы... Летом мы поехали к крестной в К*, прожили у нее несколько дней. В это время недалеко в какой то деревне убили комиссара и потому всех мужчин, в том числе и папу, арестовали и повезли в М* в вагоне. Мама перепугалась и мы поехали за папой ранним поездом. На другой день к нам пришел крестный и сказал, что жена комиссара осматривала всех мужчин и узнала в нашем папе убийцу, и потому будут завтра расстреливать. Но опять счастливая случайность: эта дама еще раз перед расстрелом посмотрела на папу и сказала, что это не он.

22. — Вскоре я поступила в гимназию в первый класс, но заниматься было невозможно. К тому еще ушли австрийцы и город заняли петлюровцы. Скоро после ихнего прихода была сделана генералом С* еврейская резня. Это было ужасно! Были ограблены все магазины и перерезано более четырех тысяч евреев. К нам пришла соседка с ребенком на руках и мама не могла ее не спрятать . . . Когда пришли деникинцы, было очень много тифозных. Мама где-то заразилась тоже сыпным тифом, а после и я. Во время своей болезни я все время была в бреду, и поэтому ничего не помню. Мне после только сказали, что умерла мама . . . С этих пор пошло ужасное время. Денег не было: все пошло на мою и мамину болезнь, затем на похороны и болезнь брата, который не мог перенести этого горя . . . Папа был без службы. Дома иногда не было куска хлеба, и тогда я поняла, что это такое голод. Наконец, после двухлетней голодовки, мы решили продать все последние вещи и уехать заграницу.

23. — Всем известно, что в феврале 1917 г. возникла русская революция . . . Я, не зная опасности, от всей души желал присутствовать при великом движении народа. Мы быстро ша-

гали по широким и длинным улицам. На дороге нам встречались толпы народа, над которыми возвышалось красное знамя и от которых слышался шум и различные восклицания. При виде такой толпы, мать судорожно хватала меня за руку и останавливала. На ее побледневшем лице была какая-то тревога, которая впоследствии открылась для меня. Такая же революция пыталась произойти в 1905 г., после чего последовал погром, что и теперь все ожидали . . . *(Мы пропускаем дальнейшее описание вплоть до эвакуации Крыма).* Последнее известие от братьев было прислано из Крыма. После падения Крыма о них не было ни слуху. ни духу. Моя мать, сильно волновавшаяся о них и вообще многими неприятностями, постигшими нас, в короткое время умерла в этой деревне и там же похоронена. После смерти матери я начал учиться играть на теноре, что мне, конечно, доставляло большое удовольствие. Часто ходил я в город для навещания знакомых. В городе творился кошмар. Трупы валялись по неделям *(в этой местности уже второй год был неурожай).* Если случилось упасть трупу перед каким-нибудь домом, то жильцы, не желая целую неделю видеть и чувствовать запах разложения, нанимали тачки, которые как караван тянулись к кладбищу. Там вырывалась большая могила, в которую бросали громадное количество трупов и тонким слоем прикрывали ее землей. Голодные собаки разрывали их и уничтожали с громадным аппетитом.

24. — Мама поступила на службу в Земельный комитет. Мой брат В* ездил с рыбаками в Белое море и ловил рыбу, а брат Ж* служил библиотекарем. В 1920 году К-ская комиссия арестовала маму и мы остались в чужом городе одни. Тогда старшему из нас было 15 лет. Он служил в библиотеке и кормил нас *(так дети жили около года без матери и два года без отца, бежавшего заграницу).*

25. — Городок лежал далеко от центра России и поэтому, когда началась революция, у нас было еще довольно тихо до 1918-го года. Но когда пришли большевики, они начали грабить и убивать буржуев. Папа был несколько раз арестован . . . Я помню, как один раз, когда папа был арестован и мама понесла ему есть, мы остались дома одни — я и сестра. Это было дело в субботу. Мы убрали в комнатах как можно лучше, чтобы угодить маме. Приблизительно в 5 часов пришли несколько душ

солдат и начали обыскивать. Мы ужасно испугались, потому что взрослых никого не было. Солдаты открывали гардеробы, комоды и сундуки и все выбрасывали на пол, ища оружие. Немного погодя, пришла мама. Она была очень испугана и встревожена. Солдаты напали на нее, чтобы она отдала револьверы, которые находятся у нас. Мама говорила, что у нас нет, тогда солдаты сказали, что если найдут хотя выстреленную пулю, мама сейчас же будет арестована и расстрелена. Но, к счастью, ничего не нашли, хотя ковыряли все стены, печь и пол. Когда солдаты ушли, мама стала приводить в порядок вещи, нашла на полочке с лекарствами коробочку, в которой было штук двадцать патронов для револьвера. Тот раз все говорили, что нас спас сам Бог, потому что заслепил солдат. Этот случай почему то сильно врезался мне в память. Еще помню, когда большевики брали город. Наш дом стоял как раз против горы, на которой происходило сражение. Пока стреляли из пушек и ружей, мы сидели в подвале, но когда стрельба прекратилась, мы вышли за дом и оттуда свободно могли следить за сражением. Как сейчас вижу перед собой гору, на которой ехали верховые казаки. Как потом они слезали с коней в маленьком ущельи и ползком приближались к большевицким окопам, как им навстречу вышли большевики и бой начался.

26. — О наступлении большевиков мы узнали только тогда, когда на большой проезжей дороге повесили одного человека и на нем была приклеенная бумажка, на которой было написано «Свобода». Это был бунт населения ближних сел. Вдруг в декабре на улице поднялся шум, стон и крики о помощи. Я выбежал из комнаты, но в сенях встретила меня одна старушка и не пустила на улицу. Тогда я вбежал обратно в комнату и посмотрел в окно и, о ужас, на дворе была резня. Около самого нашего окна один солдат высокого роста держал человека и заносил над ним кинжал с целью его напугать и чтобы в плен взять без сопротивления. На дворе лежали груды тел. Наконец, ожесточенная резня кончилась... Я каким-то образом ушел от мамы и попал в подвал. И что же вижу там? На скамье сидит как видно солдат без руки и охает, возле него стоит наша знакомая, рвет себе фартук и перевязывает ему остатки руки. Вдруг врывается сюда большевик и держит в руке револьвер и кричит: «Расступитесь, я этого жулика убью!» Но женщины не послушались, но наоборот встали в шеренгу и та-

ким образом заслонили ему дорогу. Тогда солдат стал целиться, но не выстрелил. Одна девочка подбежала сзади и ударила его по руке, в которой он держал револьвер. Он выпустил его от неожиданности. Тут же на него сзади навалились дворник и еще какой-то человек и связали. Но дальше я ничего не видел, потому что мама меня увела.

27. — 16 ноября 1917 г. вечером к нам прибежала одна знакомая и сказала, что большевики уже были у нее, и, наверное, скоро будут у нас. Мама уговорила папу уйти ночевать к одним знакомым. Ночью, в 2 часа пришли чрезвычайщики с обыском. Ничего особенного они у нас не нашли, к утру ушли, оставив засаду, чтобы, если папа придет, арестовать его. Никого из нас они не выпускали из квартиры, когда маме нужно было итти за покупками, ее провожали солдаты. Брату всетаки удалось уйти через черный ход, чтобы предупредить папу, что у нас сидит засада. Эту зиму мы жили без папы. Мы даже не знали, где он. Летом мы уехали на дачу, там совершенно неожиданно встретили папу. Осенью папа уехал заграницу... В 1920 г. мы поехали заграницу.

28. — Я помню свою жизнь до 1917 г. очень смутно. Помнится мне, что мы жили счастливо и во всем не терпели нодостатка... Потом, помню, наступила революция. Я понимал *(?)*, почему вижу разбитые окна, мертвых людей на улице, крики пьяных и безостановочную, беспорядочную стрельбу. Я понимал *(?)*, что, может быть, если кто нибудь из наших домашних выйдет на улицу, он вернется только на носилках или вовсе не вернется. Но этого не случилось. Потом волнения улеглись, обыски прекратились. После этого нам удалось с большим трудом оправиться и жить по-старому. Что опять повлияло на мою жизнь, это было восстание в Кронштадте. Было это в марте 191... года*). Там в это время был мой дядя, инженер, правых убеждений. Но большевики с большими потерями взяли Кронштадт и всех, засевших там, белых взяли и потом они были расстрелены в Петропавловской крепости, в том числе и мой дядя. Я наблюдал осаду Кронштадта с одного пункта, и этой картины никогда не забуду. Когда же я узнал из верных источников, что мой дядя расстрелен, то не знал, как сообщить об этом моим родителям и тете. О нем никаких оффициальных из-

*) В 1921 году.

вестий не было, и наши думали, что он спасся бегством заграницу. Наконец, я решился сказать это, и объявил, что дядя не убежал, а уже на том свете. Это поразило родителей как громом и они навели справки. Оказалось, что это правда. Когда об этом узнала тетя, то она не выдержала этого удара и умерла. Моя мать также заболела, и всякий знает, у кого умер кто-либо из близких, какое это горе. Но мне тяжело вспомнить тяжелые страницы, и я перейду к другому...

29. — В 1920 г. я с моими родителями жила в небольшом городке. Время было очень тревожное... Девятого июня большевики волновались... Все говорили: «Будет бой, белые подступают»... Все надеялись, что большевики будут разбиты и мы хоть немного отдохнем. В этот вечер у нас с лихорадочной поспешностью прятали более ценные вещи и говорили о предполагаемом бое... Покончив с укладкой, папа сказал, что еще успеет пойти за тетей *(жившей на другом конце города)* и ее детьми. Но я и мама не хотели отпускать его... И вот попрощавшись с нами, папа ушел. *(Дальше описывается бой, начившийся в отсутствии отца и постепенно перенесенный на улицы города и на ту площадь, где стоял дом автора воспоминаний)*... Вдруг раздался оглушительный выстрел. Я упала на пол и отчаянным голосом закричала. Не помню, долго ли я пролежала, но когда очнулась, то увидела, что лежу где-то в темноте и слышу над собой рыдания. Я лежала в подвале, около меня сидела мама и рыдала. Первым моим словом было: «Где папа? Что с ним?» Но я не получила ответа. Я, приподнявшись, заметила, что мама, закрыв лицо руками, как-то странно затихла. Я хотела броситься к ней, но не могла. Я почувствовала, как мне на лицо легла какая-то масса, тяжелая, тяжелая, — и я снова потеряла сознание. Во второй раз я очнулась уже в комнате. Надо мной склонилось лицо моего дорогого отца... Когда по окончании боя он пришел домой, то увидел такую картину: вся мебель в гостинной была разбита, а в стене была огромная брешь. Нас не было. Он бросился из комнат в подвал, и увидел маму, лежащую без чувств, а меня всю залитую кровью. У меня была разбита голова.

30. — Большую часть своего детства я провела в деревне Ш*, где мама служила доктором. Как сейчас вижу наш маленький домик, весь утонувший в зелени... Неотвязно к этим вос-

поминаниям присоединяется образ симпатичной и бесконечно мне дорогой старушки няни. Мама редко бывала дома. Служба отнимала у нее большую часть времени. Мне было тогда 6 лет. Летом я собирала с няней ягоды, а зимой, когда мама бывала дома, я влезала к ней на колени и слушала нянины сказки. Так прошел год... Раз как-то, когда я сидела с мамой на террасе, она сказала: «Леленька, осенью я тебя хочу отдать в гимназию». Я так была поражена, что не нашла слов для ответа. Гимназия! Как много мне говорило это слово! Это было что-то новое, необыкновенное. Мысль о том, что я буду гимназисткой, приводили меня в такой восторг, что я даже не заплакала, когда осенью прощалась со своей няней, с домом и со старым лесом, чтобы ехать в ближайший уездный город Б* в гимназию. Меня приняли в первый приготовительный класс. Мама поместила меня в общежитие при гимназии... Так прошло три года. Как то раз, сидя за уроками, мы все услыхали выстрелы. В ту же минуту в комнату вбежала испуганная воспитательница. ... «Дети, успокойтесь... я принуждена распустить вас по домам. Как только прекратится перестрелка, я всех вас отправлю с проводником домой. Это стреляют большевики»... Прошло еще два года. Как много изменилось за это время. Эти два года мы с мамой и няней прожили в вагоне-теплушке, так как мы бежали от большевиков. Мы жили как цыгане, кочуя с места на место. Засыпая, мы не знали, где мы очутимся завтра. Эти два ужасных года я провела без занятий. Да и трудно было заниматься, сидя в темной, холодной и грязной теплушке. Проснувшись как-то утром, я увидела безграничное пространство воды. Я разбудила маму. «Нас везли ночью. Мы теперь в В*. Это море», сказала она. Я вскрикнула от восторга. Ведь я в первый раз в жизни видела море... Однажды, возвращаясь с пойманными крабами и желтыми морскими звездами с моря, я была поражена вестью, что через две недели мы уезжаем... Последние дни я старалась провести на берегу, сидя на желтом песке и смотря туда, где осталась моя, бесконечно мне милая и дорогая деревенька Ш*... Вечером мы уехали. Я долго стояла на палубе нашего гиганта-парохода и смотрела в ту сторону, где скрылся последний кусочек родной земли...И теперь, сидя на парте четвертого класса, я вспоминаю милую, но далекую, бесконечно далекую матушку Россию.

31. — В 1917 г. наша семья жила в Р*. Нас, детей, вос-

питывала тогда мама с двумя бабушками. Папы с нами не было... Наш город . . . переходил из руки в руки . . . При грохоте пушек, беспрерывной стрельбе . . . весь наш дом трясся всем своим телом. По улицам то и дело можно было видеть огромные тяжеловесные грузовики, нагруженные солдатами в полном вооружении, с ружьями, пулеметами, различными бомбами. Кучки таких вооруженных солдат врывались в квартиры мирных жителей, грабя и отнимая все, что им попадалось на глаза. Эти люди не были похожи на обыкновенных людей. Они были до того разъярены, свирепы и жестоки, что никакое хищное животное не в состоянии сравниться с ними . . . Один раз, одна из таких диких шаек ворвалась к нам в квартиру. Мы с братом и сестрой разыгрывали в тот день маленькую пьеску. Но наши декорации еще не были убраны . . . При виде этих солдат мой брат побледнел и упал в обморок. Солдаты, увидя мальчика, подбежали к нему и схватили его. Один из них приставил к его виску *(револьвер?)* и готов был застрелить его. Но, слава Богу, он не выстрелил и мой брат остался жив. Но большевики продолжали делать обыск и вошли в ту комнату, где у нас была сцена. Они порубили все декорации, состоявшие из простынь, и ушли ни с чем. Но бедный брат! Этот обыск так на него повлиял, что он заболел и поправился только через две недели. Большевики же, не найдя ничего в нашем доме, выйдя из дома, начали с противоположного тротуара обстреливать наш дом. И много тогда они испортили предметов и много тогда пострадало людей. Но приближался только праздник Пасхи, о которой мы тогда не думали. Мы думали тогда только о сохранении жизни, что было очень мудрено . . . Мы встретили Пасху в подвале нашего дома . . . Что мы тогда переживали и чувствовали, я уже не помню.

32. — Мы отступали с Деникинской армией. И вот тут я впервые увидела грубых жестоких людей, которые заботились только о себе и готовы были убить вас, если только им это было нужно.

33. — Добровольцы ушли и через день вступили большевики. Наступила зима, тяжелая, трудная зима, которая подорвала здоровье многим из нашей семьи. Цены сразу вскочили. Брат каждый день ходил на базар продавать вещи. Мы не топили всю зиму. Дома сидели в шубах, освещение было керосино-

вые коптилки. У меня в гимназии был такой холод, что в середине урока все вставали и начинали бегать, чтобы согреться. Коченели руки, нельзя было писать. Обед наш состоял из пшенного кулеша без приправ и из пшенной каши также без приправ. К весне стало лучше. Начали переходить аравские (АКА(посылки.

34. — Когда папа уехал на войну, мама продала всю обстановку, и мы жили в меблированных комнатах. Я помню, как я по вечерам старательно выводила ему письма, которые начинались словами: «Милый папочка! Я здорова. Как твое здоровье?» Папа писал нам письма очень часто, почти через день, но потом письма приходили все реже и реже и, наконец, совсем перестали приходить. Прошло 2 месяца. О папе не было ни слуху, ни духу. Денег тоже он не присылал. Нам было не на что жить. Мама хорошо шила и стала брать заказы. Мама шила, не разгибая спины, часто работала и ночью. Все же, нам едва хватало на жизнь. Мы переехали на более дешевую квартиру к одной горбунье...

35. — Я боялся и в то же время страшно хотел увидеть хоть раз уличную стычку. Наконец, я выбрал для наблюдательного пункта маленькое, снизу незаметное окно на чердаке. Я в течение недели проводил весь день на чердаке. Сначала я при виде стычек чувствовал только страх и любопытство. Раз я был свидетелем такой сцены. Наш дворник, несмотря на то, что в этот день, перед нашим домом стрельба не прекращалась ни на минуту, вышел на улицу. Вдруг он упал; струйка крови текла по его лицу. Шальная пуля попала ему в голову. Тут к страху и любопытству присоединилось третье чувство — жалость. Я отошел от окна и в этот день больше не возвращался... На мой внутренний мир эта неделя сильно повлияла. Изменились взгляды, мнения...

36. — Мне кажется *(пишет девочка 15 лет)*, что жизнь моя разделяется на два периода. Об одном у меня на всю жизнь останется бесконечно светлое воспоминание, и я смело могу сказать, что раннее детство мое было золотое детство. Но с 1917 г. начинается новый период, который совершенно изменил ход моей жизни и, может - быть, сильно отразился на развитии моего характера.

III СТАРШИЙ ВОЗРАСТ.

Это те, которым теперь от 16—17 до 20 лет, а в некоторых отдельных случаях и выше.

37. — В настоящее время я делю свою жизнь на два периода. Первый период это до 1917 г., золотая невозвратная пора детства. До 1917 г. я жил дома, в семье, под крылышком у матери. Я жил беззаботно, ни о чем не думая, ни о чем не заботясь и не сталкиваясь с жизнью и людьми. В 1917 г. произошел великий акт в стране, который сильно отразился на строе всей моей жизни. 1917 год произвел ужаснейший переворот и полную разруху нашего гнездышка, о котором я вспоминаю с болью в сердце.

38. — В 1917 г., когда в России впервые разразилась революция, я с недоумением смотрел на войска и народ, которые радостные, с пением и музыкой шли по улицам города. Все это для меня было ново, так как старый монархический строй, как я еще в те годы представлял себе, являлся (с моей точки зрения) чем-то непоколебимым, не только в смысле физической силы, но и как законный, правильный и всеми желаемый образ государственного управления... Начиная с 1917 г. для меня начинают открываться все те плохие стороны старого монархического строя, которые в те годы так подчеркивались многими людьми, которые радостные и воодушевленные избавлением, как они говорили, России от цепей старой отжившей монархии, собирались строить новую жизнь и на новых неизведанных началах. Все это отразилось, конечно, на мне (мне было тогда 9 лет), и я старался переварить сам своим собственным умом, но многого не был в состоянии понять, благодаря моей молодости.

39. — Оползень, начавшийся с марта 1917 г. и быстро захватывавший все большие и большие слои, лично меня сначала не коснулся, ибо был я еще слишком мал и некрепок, чтобы иметь возможность самому броситься на поднимающийся циклон сначала «бескровной», а потом уже пришедшей в ноябрьской слякоти и мгле — «мировой социальной»... Не участвовал я в первых днях — но помню, помню я смутно, как из другой, прошедшей жизни, это кровавое реяние красных зна-

мен, эти толпы пьяные от весеннего ветра и солнца, эту злополучную пародию, вкривь и вкось горланившуюся фабричным городским и казарменным людом: «Вставай, подымайся!» — и, Господь да простит мне, не могу без едкой, острой, какой-то даже подсасывающей иронии подумать: «да, встали ... поднялись ... и в грязи и смраде остались».

40 — Я помню первый день революции*). С утра в городе было заметно волнение. Люди стремились к площадям, где предполагались митинги. Я тогда смутно понимала значение этого дня, но вокруг чувствовалось что-то новое, радостное и невольно сам заражался этой радостью и ожиданием чего-то большого, светлого в будущем. В доме у нас беспрерывно велись споры. Одни с иронией говорили, что все эта детская игрушка и долго не продержится, другие горячо защищали великое дело и верили, что простой игрушкой оно не было и не будет. Потом начались погромы ... Затем как-то незаметно подошли большевики, и тут уж пошли всякие Продкомы, Совнаркомы и т. д. Начались обыски, грабежи и расстрелы, но пока еще не в сильной форме. Наконец, понемногу стали теснить и прижимать интеллигенцию, называя ее буржуями. В доме у нас началась упаковка вещей и закапывание драгоценностей. Противники революции злорадствовали. Сторонники присмирели. Народ тоже присмирел. Кое-где слышались жалобы на «проклятых большевиков» и радостно передавались известия, что скоро придут «наши». Наконец, однажды ночью послышался гул отдаленных выстрелов. Все насторожились. Офицеры, скрывавшиеся у нас, ходили с какими-то вытянуто-радостными лицами и понемногу собирались к отъезду. Целую неделю продолжалась перестрелка. Белые подошли так близко, что пули летали над городом. Красные отступали. По дорогам находили разные канцелярские бумаги и протоколы, растерянные ими впопыхах. На следующий день вошел в город генерал П* со своим отрядом. Его встретили с хлебом-солью. Но и эти долгожданные белые не принесли с собою так ожидаемого спокойствия! Генерал П* начал с того, что очертил кругом центра города и всех находящихся за чертой велел поголовно расстреливать как сторонников большевиков. Три дня продолжалось избиение неповинных, так долго ждавших «их» людей. А в это время там, за чертой этой «наши» дни и ночи проводили в кутежах и за кар-

*) Пишет девушка 17 лет.

тами. Вдруг на четвертый день опять послышалась канонада. Генерал П* спешно собрался и выехал из города, оставив висеть на базарной площади двух «неприятелей»! Так они и остались висеть до прихода красных. Те вошли, но какие-то трусливые, точно придавленные. Приходя с обыском, боялись входить в дом: а вдруг там кто-нибудь спрятан. Начались опять расстрелы, расстрелы и расстрелы. Бедный народ не знал, куда ему броситься. Белые их считали красными, красные белыми...

41. — Тяжелую жизнь я провел до семнадцатого года. Со времени отступления русских войск из Польши и Галиции я очутился в руках австрийцев и повинен был нести тяжелую жизнь плена. Голод, вечное притеснение со стороны австрийцев, зверское отношение, туга по русским... Когда человек на воле думает о неволе, то ему представляется только что-то страшное и тяжелое... Совсем иное чувствует человек, когда он находится в неволе... Воля тогда кажется такой блаженной, такой роскошной и милой, что человек не может забыть о ней ни на минуту... Но еще хуже стало, когда я вышел на волю, но когда нельзя было ею воспользоваться. Живя среди необразованных людей и видя эту суеверную, глухую, ничтожную жизнь, я очень тяготился ею и страшно хотел познать хотя немножко науку. Но ни при каком старании я не мог своих мечтаний добиться. Опять всё затормозила гражданская война... В девятнадцатом году я очутился в польской оккупации. Те... старались на каждом шагу искоренить все русское. Вместо русских, своих школ появлялись польские... Закрытие всех русских просветительных организаций, перевод церквей на костелы, поселение на общественных, монастырских и казенных землях польских усадников... — окончательно лишили меня надежды на учение. Но к счастью, среди такого тяжелого положения мне удалось познакомиться с одним русским студентом, который убежал от большевиков, и начать свою мечту — науку.

42. — С 1917 г. моя жизнь совсем не была похожа на старую однообразную жизнь. Придя в гимназию, я сразу заметил, что что-то новое ворвалось в нашу жизнь. Эта новая жизнь была мне совершенно непонятна, и много встало передо мной вопросов, на которые я не мог дать ответа. Директор нам уже каждый день не читал нотаций, а переменил их на политику. В конце его речи мы должны были петь «Боже, царя хра-

ни». Через несколько дней директор был убит (он был полковник), и гимназия закрылась. Я был совершенно свободен... Я целый день бродил по городу. Первое, что на меня произвело неприятное впечатление, это когда я увидал, как нескольких учеников нашей гимназии старших классов вели на расстрел. Тогда-то я понял, что такое наша революция. Вскоре я должен был прекратить свои прогулки по улицам, потому что на улицах происходили бои. Мы выглядывали из-за ворот, как из-за решеток, на проходящие толпы солдат и грабителей, которые гуляли и среди белого дня. Такая жизнь мне даже начинала нравиться. В гимназию итти не надо; когда идем в пекарню за хлебом, то вооружены с ног до головы, и целый день занимаемся стрельбой... В 19-м году, после ухода немцев, я уже чувствовал себя совсем другим человеком. Определенный взгляд у меня сложился на жизнь, смерть и на многое другое, чего я, может-быть, до сих пор не знал бы.

43. — Вдруг мы узнали, что дядя, живший в X*, арестован и сидит в чека. Я поехал в X* узнать, за что он арестован и постараться высвободить его, но по оплошности чуть не погиб сам. Дело в том, что я надел под пальто кадетский мундир без погон и галунов и в таком виде отправился в че-ка. Там я поговорил с дядей, отдал ему привезенные для него вещи и хотел уже уходить, как вдруг матрос, стоявший часовым у дверей и все время пристально на меня смотревший, спросил меня, где я раньше учился. Вопрос был так неожидан, что я сразу смешался и долго не мог ответить. Потом я сказал, что я ученик С-ской гимназии и показал ему удостоверение. Он иронически улыбнулся, расстегнул мне пальто и, показывая на мой мундир, спросил: «Это такая у вас в гимназии форма? Странно!» Я так испугался, что не мог отвечать. Тогда он начал обыскивать мои карманы. Тут-то и сказалась главная моя оплошность. Когда я шел в чека, я совершенно забыл посмотреть, что лежит у меня в карманах, а в боковом кармане мундира лежал старый отпускной билет О-ского кадетского корпуса. Когда матрос вынул его из кармана и прочел, то, ударив меня несколько раз по лицу, отвел к какому-то комиссару. Тот начал было меня допрашивать, но узнав, что мне всего 13 лет, сказал: «Дать ему 20 шомполов и отпустить!» Когда меня начали бить, я сначала кричал, а потом потерял сознание и пришел в себя только уже лежа в подвале чека на голом полу...

Вскоре пришел тот самый матрос и, грубо схватив меня за воротник, сказал, что я могу итти, куда хочу... Но спать эту ночь мне не пришлось. Вся спина у меня была до крови разбита шомполами и болела невыносимо, а к тому же я все время боялся, что большевики опять придут за мной. На утро тетя узнала, что в эту ночь большевики расстреляли дядю, и от горя слегла... Я уехал домой и жил дома до прихода добровольческой армии. Потом я поступил в армию и вместе со своим полком ушел на фронт и был там до эвакуации из С* в феврале 1919 г. Приехав в С*, я поступил сигнальщиком на миноносец N и плавал на нем...

44. — В один светлый день папа ушел: его предупредили об аресте. Несчастный случай выдал его, и папа был арестован. Я сидел в столовой и что-то делал, когда вдруг пришел папа в сопровождении красноармейца проститься: его увозили вверх по реке Б* заложником нашего города. С нашего двора было взято сразу два человека: *А** (впоследствии расстрелянный) и мой папа. Заложников посадили в баржу и пока-что не увозили. Жены арестованных, в том числе и моя мама, хлопотали о заложниках, выбиваясь из сил. Моя ненависть к большевикам к тому времени возросла до необычайных размеров. Я видел, как на улице били, уже полумертвого, прилично-одетого человека; я видел, как толпа пьяных матросов издевалась над девушками и как они пристрелили что-то им сказавшего человека.

45. — Какой-то неясный, порою грозный, шум доносился с улицы. Я быстро соскочила и подошла к окну. В сером тумане утра моему взору предстала огромная толпа движущихся людей. Толпа шла как колыхающееся море, гневная и могучая, величественная и свободная. До моего слуха долетали мощные крики: «Да здравствует свобода! Долой рабские цепи!» Какое-то волнение охватило меня и вдруг совершенно неожиданно для самой себя у меня явилось неудержимое желание слиться с этим колыхающимся морем. «Пойдем, пойдем!» — говорила я подруге, торопливо одеваясь, и как была, накинув пальто, кинулась к двери. В эту минуту я поняла, хотя и не сознавала ясно, что совершилось что-то великое и почему-то, как мне казалось, светлое и хорошее... *(Воспоминания обрываются на описании этой демонстрации в марте 1917 г.).*

46. — Тихо и ровно шла моя гимназическая жизнь. Даже мы, малыши, сознавая всю важность происходящих событий, вызванных великой войной народов, старательно учились и стремились оправдать доверие наших отцов, находившихся там на фронте... Гром революции... был нам мало понятен, но в тайниках своей детской души я приветствовал ее как избавительницу и заступницу всех угнетенных и несчастных. Это чувство во мне росло и крепло... Меня радовали энергичные, красиво говорившие люди, возвещавшие торжество Правды и Мира... Но сумрачен был наш старый дом, и так тоскливо смотрел отец, покинувший свой исторический и славный полк. Вздыхала часто мама и смутно чувствовала роковое во всё развертывавшихся событиях... И вот в светлый, теплый осенний день прочел мой бедный отец столь известное «Всем, всем, всем»; прочел, и на третий день с именем матери на устах скончался... Всё рушилось, и быстрыми шагами Россия приближалась к роковой черте... Ужасный образ молодой красивой девушки, лежащей в грязной луже крови на широкой темной улице с размозженным черепом и с руками, сжимающими трость, поразил меня и заставил задуматься и задать себе вопрос: — «За что?» За что и во имя чего страдала моя бедная мама, добрый отец и огромная часть русского народа? Затоптан был в грязь трехцветный флаг... Закружилось всё в бешенном вихре... Наконец, выбросил меня этот бешенный шквал в К. Четырехмесячное пребывание на фронте сделало меня совершенно взрослым и, как ни странно, спокойным и ровным человеком... Конец близился. Наши войска неуклонно влезали в крымскую «бутылку». Безобразные и отвратительные картины грабежа и насилий сопровождали нас повсюду... Живо я помню мой день расставания с Россией. Шумело грозное море. Толпились на пристани жалкие, продрогшие люди, где-то слышались пьяные голоса и отдельные выстрелы и — как будто в насмешку надо всем этим — трепыхался лоскут трехцветного флага. На душе было гадко и противно. Сознание чего-то неисполненного мучило совесть...

47. — Очень ярок для меня 1919 год. Уже в начале этого года, весной, я поступил в партизанский отряд. Безусловно резкая перемена обстановки моей жизни сильно повлияла на меня... До конца моих дней останется у меня, как у каждого служившего в армии, воспоминание о так называемом «боевом

крещении» . . . Спустя несколько дней я был зачислен как первый номер пулеметчика при пулемете системы Кольта. Мое крещение произошло под моим родным городом, который мы пытались взять у большевиков . . . Атаман предложил желающему из нас пройти на левый фланг и сбить неприятеля *(пулемет, поставленный на башне).* Я хотел увериться в своем умении стрелять из пулемета и отправился в назначенное место с двумя пулеметчиками . . . Сначала я только подавал ленту с патронами, но когда был убит стрелявший солдат, мне пришлось взяться за ручку. Выпустив две ленты, я заметил, что на башне водворилась тишина. Враг был сбит . . . После короткого боя город был взят . . . С этого дня я стал понимать поведение солдат в бою, которого не могут понять люди, никогда не бывшие в рядах армии. Я был так ошеломлен всем совершившимся вокруг меня: видом крови, стонами раненых, стрельбой и свистом пуль, что не думал о себе. В голове была только одна мысль — сбить неприятельский пулемет . . . Из всех последующих мне помнится только бой на реке З. Это была потрясающая картина: две лавы всадников, скачущих во весь опор друг на друга. Обе стороны летели вперед, крича и махая над головами обнаженными шашками. Особенно мне нравилась наша конница, которая вся целиком состояла из старых кавалеристов, испытанных в боях. Как и всегда, они шли в бой совершенно спокойно. В центре лавы, наряду со всеми, ехал оркестр, игравший кавалерийский марш. Когда враги столкнулись, музыка умолкла. Произошла кровавая схватка. Атака длилась всего минут сорок, но после нее на поле осталось несколько сот трупов. Я как сейчас вижу перед собою ужасную картину. Под одним из солдат был убит конь, и он пустился бежать в сторону от схватки. Какой-то кавалерист настиг его и, взмахнув шашкой, снес ему голову. *(Здесь воспоминания обрываются.)*

48. — В городе Р* вначале было спокойно. Но вот и до него докатилась грозная волна. Все говорили, что в городе должен быть бой. Я тогда плохо понимала, чего хочет каждая партия, и почему они должны бить друг друга. Вот послышались отдаленные раскаты грома орудий. Я с биением сердца прислушивалась к новым для меня звукам. Скоро выстрелы стали совсем близки. Кроме орудийной стрельбы, раздавалась пулеметная и ружейная. Стрельба во мне пробуждала чувство, ко-

торого я сама не могла понять. Мне хотелось что-нибудь сделать для России большое, хорошее. Меня тянуло на поле битвы. Я жалела, что не могу осуществить своего желания. Но вот кончился бой, город был взят кадетами*). Когда я вышла на улицу, меня поразили трупы людей, разбросанные по улицам, и раненые. Затем опять бой. Город заняли большевики. И вот тогда я впервые увидела, насколько человек может быть жесток. Начались аресты и расстрелы. *(Автору удалось выполнить свое желание и работать при армии сестрой милосердия.)*

49. — Это было на рассвете... Наш пулемет стоял в заставе. Еще и сейчас это так ярко стоит перед глазами. Было это славное время, когда в груди так сильно билось сердце и верилось, что враги моей родины будут низвергнуты, и чудилась перед глазами Великая Россия. Я был первым номером у пулемета. Взводный урядник, молодой казачок, но довольно боевой, прохаживался перед пулеметом и внимательно вглядывался в сумрак ночи. В воздухе пахло чем-то невыносимо тяжелым. В этих местах уже целую неделю шли бои; трупы убитых лошадей начали разлагаться и распространять смрад. Враг был близок. Мы это наверняка знали. Отдаленный стук и грохот передвигающихся неприятельских обозов и орудий свидетельствовал об их числе и серьезных приготовлениях к предстоящему утру. Урядник, как более опытный и чуткий в боевой обстановке, начал суетиться: то прикладывался ухом к колесу тачанки, то, приседая, вглядывался в темноту. Где-то далеко, далеко закричали гуси, и настала гробовая тишина. Я, уставший от вчерашних встрясок, уже почти уснул. Вдруг шипящие сквозь зубы слова меня заставили опомниться: «Я тебе уже говорил — не спи! а то нас как зайцев здесь переловят, пощады не будет. Приготовь ленту, и смотри в оба!» По словам и тону урядника я понял, что уже что-то есть впереди. И правда, сейчас же я услышал ржанье, храп лошадей, звяканье сбруи и стремян. Это они, подумал я, и весь превратился во внимание. Вот уже совсем близко... уже видны отдельные темные фигуры надвигающихся всадников... Команда урядника: «Пулемет к бою!» Но даже подойдя ближе ко мне, урядник все еще сомневался, кто эти всадники. Всадники уже почти поровнялись с канавой, заграждавшей нас, когда урядник громким голосом закричал: «Стой, кто такой?!» — «N-ой со-

*) Т. е. белыми.

ветской дивизии!» закричали передовые артиллеристы. — «Пулемет, огонь!» крикнул мне урядник, и я тотчас открыл по ним губительный огонь. — «Стой! Стой!» закричали они: «Свои!» Но я почти ничего не слышал и распределял огонь пулемета... Они с криком и проклятиями кинулись было на нас, но, смешавшись от меткого и неожиданного огня, бросились убегать, оставляя после себя убитых и раненых. — Уже начинает совсем рассветать. Подул прохладный восточный ветерок, и неприятельское поле начало проясняться. Уже мы хорошо различали трупы убитых лошадей... уже всё видно. Вдруг урядник что-то крикнул: «Смотри! Видишь?» И я, посмотревши в ту сторону, ясно увидел неприятельскую сестру милосердия, которая была приблизительно на расстоянии 200 шагов. Она перевязывала двух раненых. «Видишь?» спросил урядник. — «Вижу», отвечал я. — «Ну, так стреляй и чтоб обязательно ее сбил». Взяв приблизительный прицел, я выстрелил, и она упала. Утром, когда наши пошли в наступление, я и урядник приблизились к этому месту. Перед нами лежала молоденькая, почти ребенок, сестра и, увидевши нас, едва слышно пролепетала: «Братцы, помилуйте, я еще жить хочу». (Не докончил). *На этом воспоминания обрываются.*

50. — В 1918 г. *(пишет один калмык)* моя одна мечта была попасть в повстанческий отряд Н... В конце концов, мне удалось уйти из дома. Я записался в отряд конных разведчиков, и на другой день я был уже вооружен с ног до головы, а на третий день наш отряд пошел в атаку на большевиков. Во время этой атаки я переживал самые лучшие минуты жизни, так как был уже не простой ученик, а вояка за Единую Неделимую Россию. В первый раз я увидел в этой атаке убитых и приходил в восторг от этого. Страха я не испытывал почти никакого. Атака наша была удачна, противник был разбит на голову.

51. — Общий энтузиазм, подъем и веселье, охватившие Петроград в февральские дни 1917 г., были совершенно чужды нашей семье, а следовательно и мне. Чувствовалось, что с этого момента начнется что-то новое, грозное и беспощадное, что изломает всю жизнь и заставит строить ее как-то по новому... И действительно: сильный голод, заставивший покинуть родной город и ехать куда-то, закрыв глаза, в поисках куска хлеба, бесконечные скитания по Югу России, гражданская война,

самая жестокая из всех войн, когда-либо происходивших, и на которую я попал 16-тилетним мальчиком — всё это обратило лучшие годы жизни в какой-то хаос. Красоты Кавказа и Крыма, волшебная панорама Константинополя — не могли особенно захватить меня и произвести на меня надлежащее впечатление. Личные житейские переживания оттесняли всё это на задний план. Мы находились тогда в таких условиях, в которых люди черствеют, грубеют и теряют способность воспринимать красоты природы. Затем следуют 4 года жизни заграницей. За эти годы пришлось увидеть массу новых мест, побывать в семи различных государствах, зарабатывать себе средства к существованию на разных работах. На пребывание в Праге, где я получаю возможность продолжать свое, прерванное в России, образование, приходится смотреть как на временную передышку, за которой опять наступит период скитаний, неизбежных для большинства русских эмигрантов.

Как будто бы довольно...

Едва ли эти человеческие документы нуждаются в каких-либо комментариях. Они достаточно громко и вразумительно говорят сами за себя. Тут есть над чем подумать и психологу и педагогу. — Матерьял, над которым приходится работать эмигранту-учителю, совсем особого рода, и уж меньше всего поддается он обработке в рамках западной бюрократической школы.

Перед нами молодежь, испытавшая столько, сколько не выпадало в обычное время и на долю взрослого человека.

Учитель-словесник найдет в этих воспоминаниях не мало интересного для наблюдения над детским языком, а также над отражением литературных влияний (особенно №№ 12, 26, 30, 46); наконец, он не сможет не обратить внимания на прекрасную передачу своих воспоминаний большинством молодых авторов*), и невольно сравнит их с обычными казенными «сочинениями»...

Но что ждет эту молодежь в будущем?

---

*) Поправки коснулись орфографии и отчасти пунктуации; построение фраз и выбор выражений почти не тронуты.

Издания Педагогического Бюро

Praha I. ulice Karoliny Svetle, č. 21.

1. Бюллетень Ор[illegible]зационного Ко[illegible]а по со[illegible]ыву Съ[illegible] № 1. Прага, февр. 1923. 40 стр.
2. Бюллетень Орг[illegible]о[illegible]ного Ко[illegible]тета по со[illegible]ыву Съез[illegible] № 2. Пр[illegible]га, март [illegible]23. 25 стр.
3. Бюл[illegible]етень Пе[illegible]оги[illegible]еского Бюро [illegible]о [illegible] средней [illegible] шей русской шко[illegible]ы заграницей [illegible] езолюци[illegible]и Съе[illegible] № 1. Прага, май 1923. 48 стр.
4. Бюллетень Педагогич[illegible]кого Бюро. [illegible] 2 (с докладами С[illegible]зда). Прага, сентябрь 1923. 82 стр.
5. Бюл[illegible]етень Педагогического Бюро. [illegible] (обзор русс[illegible]го [illegible]светительного дела в Чехослова[illegible]) Пр[illegible]га декабрь [illegible]3. 78 стр.
6. Бюллетень Педагогического Бюро. [illegible] 4 Прага, май, 1924. 112 стр.
7. Воспоминания 500 русских детей. С предисл. проф. В. В. Зеньковского. Прага, 1924. 24 стр.
8. Бюллетень Педагогического Бюро. № 5 П[illegible], сентябр[illegible], 1924. 133 стр.

20-го декабря вышла в свет книга 10—11 [illegible]урнала

„РУССКАЯ ШКОЛА ЗА РУБЕЖОМ"

издаваемого в Праге под редакцией про[illegible]. С. [illegible]. ГЕ[illegible]FНА, пр.-доц. С. И. КАРЦЕВСКОГО и В. А. РИГАНА.

СОДЕРЖАНИЕ: *Проф. С. И. Гессен.* Пауль Н[illegible]горн. — *А. Манфре.* Реформа Джованни Джентиле. — *Н. Деддингтон-Эрте[illegible]ъ.* Религио[illegible]ное вос[illegible]тан[illegible]е в Англии. — *Проф. Ал. Маклецов.* Новейш[illegible] германское з[illegible]конодательство об охране детства. — *С. И. Карцевский.* Чело[illegible]еческие документы (воспомин[illegible]ия детей-беженцов из России). — *Н. Кнорринг.* Подготовка преподавателя к уро[illegible]у (из методики истории). — *Проф. Н. М. Мо[illegible]илянский.* Из недалекого прошлого нашей школы (страничка воспоминаний). — *Проф. Д. М. Сокольцов.* О преподав[illegible] и[illegible] [illegible]зики [illegible] русс[illegible]о[illegible] сре[illegible]ей школе. — *М. Хрисогонов.* Метод рисования по творческому вообра[illegible]ению или фантазии. — ИЗ ЖИЗНИ ШКОЛЫ В РОССИИ: *Вл. Розенберг.* Трагедия сельского у[illegible]ит[illegible]. — НЕКРОЛОГИ: *С. Г[illegible]ссен.* В. В. Сапо[illegible]иков — *С. Орлов.* Мартин Козак. — *Библиография.* — *Педагогические ж[illegible]рна[illegible].* — *Методики и учебники.* — *Книги для чтения детей и юношества.* — Книги, поступившие в ре[illegible]акцию. — Объ[illegible]вл[illegible]ния. — (С[illegible]ыш[illegible] [illegible]00 стр.).

Цена 20 ч. кр.

Склад издания: книжный склад «ПЛАМЯ», Praha [illegible]. Ječná 32, и «РОДИНА», Berlin-Charlottenburg, Kantstrasse 24.

Издание Педагогического [illegible], Praha I., [illegible] S[illegible] 31.
П[illegible] „Legiografie", Praha II. [illegible] č. [illegible]